

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

НАДЯ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Надя

Серия «Мемуары Мартынова», книга 3

Аннотация

«Я очень устал. Целое послезавтрака опять строил хижину, или шалаш, или келью... Это у меня такая длинная игра... я о ней расскажу потом. Мне после завтрака, до обеда, не позволяют заниматься тем, что я сейчас люблю больше всего на свете, – говорят, жарко. Да я сам, впрочем, не хочу; я жду вечера. В шесть часов лучше... Но об этом тоже потом...»

Зинаида Гиппиус

Надя

(Записки младенца)

Я очень устал. Целое послезавтрака опять строил хижину, или шалаш, или келью... Это у меня такая длинная игра... я о ней расскажу потом. Мне после завтрака, до обеда, не позволяют заниматься тем, что я сейчас люблю больше всего на свете, – говорят, жарко. Да я сам, впрочем, не хочу; я жду вечера. В шесть часов лучше... Но об этом тоже потом.

Хижину, сколько ни строй, никогда не выстроишь так, как хочется и представляется. Сижу, усталый, в тополевой аллее, смотрю на свои голые коленки: парусиновый костюмчик я ужасно измазал; на правой штанишке дыра. И хотя неприятно, – я думаю не о дыре, а вот почему нельзя ничего так сделать, чтобы уж совсем, совсем хорошо было?

Рядом сидит нянька Устинья с моей маленькой сестрой на руках и тонким, чистеньким голоском выводит:

Сива зозуля ховається
Пид капустный пид листочек...

Нянька Устинья ужасная песенница, никогда не помолчит. Особенно любит эту «зозулю».

Нянька не моя, ко мне не имеет никакого отношения. Я

живу на полной свободе. Да и смешно было бы: я благоразумный и самостоятельный мальчик, к тому же большой не по годам: мне никто не дает меньше восьми лет, а иные – даже девять! Я уж и молчу, хотя твердо знаю, что мне только через сколько-то недель исполнится семь.

Сива зозуля ховається

Пид капустный пид листочек...

Ну хорошо, зозуля, только почему кукушка в капусте, и что она все прячется? Нянька петь может, а сказать песню словами никогда не может. Такая смешная. И носик у нее смешной, плоскенький, как у маленькой уточки. Вся маленькая, темный очипок тоже гладенький, маленький.

У меня зимой была – не нянька, а фрейлейн; но, сказать правду, я ее выжил. Зачем мне фрейлейн, и зачем немецкий язык – когда я все равно буду монахом? Да, да, это решено: монахом. Мама не знает: поговаривает, что зимой возьмет мне француженку или англичанку. Посмотрим. Никто мне не нужен; что мне нужно – знаю я сам, да немножко бабушка.

Славно как на даче. За тополями малинник, а там вишенье... Когда жарко – клей на солнце блестит, а что вкуснее клея? Заберусь, вгрызусь в серое деревцо зубами, и откушу клей. Мягкий. Тянется за зубами, и лучше конфеты пахнет.

Потом огород. Гарбузы полосатые, надутые, и темненькие кавунчики, кругленькие, еще маленькие, – совсем ребячьи

головки. Лежат – валяются прямо на земле, в листьях, а сами растут и полнеют, теплые от солнца.

За огородом уж видно... Нет, еще не скажу, что видно за огородом. Я на полянку, за огород, пойду после обеда...

– Панычу, да што вы каки смутны? – спрашивает нянька. – Притомились?

Она со мной старается говорить не по-малороссийски, не знаю почему: я все понимаю и даже не замечаю по-какому мне говорят. Конечно, папа и мама говорят не так, как Гапка, Василиса и Дмитро; но ведь Дмитро и Василиса не умеют читать, а мы с папой-мамой умеем, ну и говорим, как в книгах.

Можно ли монаху сгрызть вишневый клей? Как будто можно, ведь клей постный! Однако ни в одном житии ничего не сказано про клей, – вдруг это грех?

Я всегда читаю бабушке «Жития Святых» – толстая такая книга в бледно-зеленом переплете, – и уж каждого святого великолепно знаю. Прежде я сказки читал, – вот скука! Все выдумка, а это настоящее, как было, и потому самое интересное.

Я люблю, чтобы все было очень понятно. Прежде, когда мы не читали с бабушкой жития святых, мне многое казалось непонятным и даже страшным. Но в книге все объяснено. На свете бывает много неприятного; чтобы прошло – надо сейчас же помолиться. Или чего-нибудь захочешь: тоже надо помолиться, и будет. Если очень большое – дается чудо.

Конечно, следует внимательно следить за своими грехами: не накапливать, скорее каяться. Лучше всего быть святым. Если не придумаешь сразу, как стать святым – просто идти в монахи: все монахи святые.

Вот только насчет греха у меня, с недавних пор, начались сомнения. И началось так: я приставал с грехом к бабушке, она сначала говорила глупости, что мои грехи – капризы, да когда я не слушаюсь, – ну всякий вздор; а потом сказала, что у меня вовсе нет грехов; кому нет семи лет, тот младенец, и я могу причащаться так.

Могу? Нет, не могу. Я сам лучше знаю, могу или не могу. Я уж давно, уж две недели, чувствую в себе грех.

Грех мой – в Наде. Что я, ненавижу ее? Или завидую ей? Или так завидую, что ненавижу? Решительно не знаю. А что грех, и что он где-то около Нади – это я знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.